

«МЯГКАЯ СИЛА» В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Виктор Володин*

Лилия Рожкова**

Ольга Сальникова***

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-68-80

***Введение.** Проблема «мягкой силы» в международных отношениях и ее роль во внешней политике России представляется актуальным направлением исследований, учитывая ее недостаточную научную проработанность в силу сложившегося общего отношения к проблеме «мягкой силы» в российском политическом дискурсе, где исследуемое явление не считается полноценным направлением внешней политики и было создано на волне популярности «мягкой силы» в мировом сообществе. Необходимость исследования использования «мягкой силы» вызвана продолжающимися сдвигами в международных отношениях и мировой политике, появившимся в результате развития глобализационных процессов, информационной и технологической сферы. В условиях появления новых акторов и быстро меняющихся правил игры на международной арене, странам важно быстро адаптироваться к этим правилам и в полной мере использовать новые инструменты. Однако, ввиду определенных причин, Россия обратила внимание на возможности использования «мягкой силой» с задержкой, а с целью достижения уровня мировых лидеров отрасли, необходим обновленный подход, учитывающий отечественные особенности и ведущие мировые практики. Цель исследования состоит в изучении особенностей концепции «мягкой силы».*

***Материалы и методы.** Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения теоретических зарубежных и отечественных концепций «мягкой силы», анализа рейтингов страновых брендов. Методологическую основу составили метод системно-структурного анализа, статистический метод.*

***Результаты.** В статье рассмотрены основные подходы к пониманию «мягкой силы», представленные в трудах зарубежных и отечественных исследова-*

* **Володин Виктор Михайлович**, доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики и управления Пензенского государственного университета
e-mail: ieu@pnzgu.ru.

** **Рожкова Лилия Валерьевна**, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Экономическая теория и международные отношения» Пензенского государственного университета
e-mail: econm@pnzgu.ru.

*** **Сальникова Ольга Владимировна**, старший преподаватель кафедры «Экономическая теория и международные отношения» Пензенского государственного университета
e-mail: econm@pnzgu.ru.

телей; проведен анализ основных компонентов, источников политики «мягкой силы»; выявлены рейтинги страновых брендов как инструмент измерения «мягкой силы»; выявлены концепции использования «мягкой силы» России.

Обсуждения и заключение. На основе данных статистики, вторичного анализа данных делается вывод о дефиците российской «мягкой силы» в РФ; существующих основаниях в необходимости создания нового имиджа на мировой арене, соответствующего российским национальным интересам и современным реалиям. В сегодняшних условиях реализация российской «мягкой силы» имеет множество проблем, связанных с правовыми, финансовыми, экономическими аспектами.

Появление концепции «мягкой силы» произошло относительно недавно, однако она уже стала неотъемлемой частью новой реальности мировой политики. Отношения между любыми общностями всегда представляют собой попытку получить выгоду, в том или ином виде. Отношения между государствами, вне зависимости от рассматриваемой эпохи, – ярчайший пример взаимодействий ради выигрыша, потому что большинство из них заинтересовано в одних и тех же ценностях и благах на базовом уровне: начиная от расширения территорий на заре государственности и заканчивая привлечением умов для работы на благо страны сегодня. Долгое время основным признанным механизмом достижения целей для государства была его военная мощь, а преимущество в технологическом плане могло стать значительным выигрышем, в том числе и в ведении войн. Однако горький опыт мировых войн и изобретение ядерных бомб привели к осознанию практической невозможности прямых военных столкновений между странами. Кроме того, в быстро изменяющейся международной среде у государств стали появляться интересы, достижение которых невозможно только с использованием военной силы.

Впервые «мягкая сила» официально появилась в концепции внешней политики России лишь в 2013 году, где данный термин трактовался как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [9]. Несмотря на столь позднее «признание», государственные организации, фактически занимающиеся производством «мягкой силы» появились заметно раньше (фонд «Русский мир», Россотрудничество и др.).

«Мягкая сила» – это сила, которая позволяет государству добиваться своих целей на основе привлекательности, симпатии, добровольного участия в отличие от «жесткой силы», предполагающей достижение целей через средства принуждения, такие как, например, война [10]. Сам термин «мягкая сила» является относительно новым в международных отношениях и был введен в научный оборот американским политологом Джозефом Найем в 1990 году [27], хотя само явление в той или иной мере существовало в мире уже долгое время.

Отсутствие устоявшегося значения понятия «мягкой силы» вызывало широкие споры в международной академической среде на уровне его смыслового наполнения. Во-первых, определение самого понятия «силы», центрального для международных отношений, всегда было краеугольным камнем политической теории, и по прошествии многих раундов дебатов вокруг него, было решено, что «сила» гораздо более обширное понятие, чтобы пытаться придумать его единственно верное объяснение. Однозначное понимание силы существует в логике реализма, где де-факто является тождественным классической силе принуждения или «жесткой силе», то есть включает в себя возможности армии, количество человек, ресурсов и др. [26]. Впоследствии новые поколения исследователей критиковали реалистов за заикливание на силе как центральном концепте международных отношений, однако сам термин не был переосмыслен. Поэтому до сих пор возникают вопросы, уместно ли называть «мягкую силу» силой в первую очередь. Во-вторых, существует точка зрения, согласно которой «мягкая сила» совсем не «мягкая», так как в определенной мере опирается на принуждение [25]. Проблема кроется и в другом базовом термине «мягкой силы» – привлекательности. Дж. Б. Маттерн, исследуя его с социолингвистиче-

ской точки зрения, отмечает, что «привлекательность» не существует самостоятельно, но является социально сконструированной формой «реальности», которую вынуждена принять сторона, которая подвергается такому типу воздействия. Принятие другой навязанной «реальности», таким образом, является актом принуждения. Помимо этого, любое межкультурное взаимодействие, включающее в себя споры, с целью убеждения, также является принуждением, вследствие чего автор делает вывод о «жесткой» природе «мягкой силы». Следует отметить, что данные споры во многом вызваны тем, что сам Дж. Най никогда не определял термин «привлекательность». Кроме того, присутствуют и точки зрения, согласно которым «мягкая сила» несостоятельна как таковая (Дэннис МакШейн, Джон Робсон и др.) – результаты неочевидны, источники трудно определяемы и, как правило, неисчислимы – в отличие от классической силы.

Наиболее комплексный теоретический анализ «мягкой силы» представлен П. Паршиным. Первой и одной из основополагающих предпосылок в размышлениях Паршина о мягкой силе выступает его тезис о метафоричности данного термина. Метафоричность термина, введенного Дж. Наем для описания новых способов влияния в эпоху глобализации, стала причиной как теоретической размытости и практической неясности самой концепции, так и разнобоя в интерпретациях, которые располагались по шкале от панацеи в международных отношениях до нулевой значимости нововведения американского ученого. П. Паршин дает два определения «мягкой силы» – терминологическое и нетерминологическое [1. С. 85]. В рамках нетерминологического подхода «мягкая сила» в широком смысле понимается как способность к достижению определенной цели самому или использованием каких-либо инструментов, средств, выбирая такие, относительно которых можно с определенной долей вероятности ожидать от их применения относительно меньшего материального или нематериального ущерба по сравнению с другими средствами, которые потенциально могут быть применимы для достижения конкретной цели. В рамках терминологического (наевский) смысла «мягкая сила» является притягательной силой различных ценностей, которые устойчиво ассоциируются с определенной страной (культурные ценности страны, уровень жизни, качество образования и др.) [13].

Значительное внимание понятию «мягкой силы» уделяется в работах доктора политических наук, профессора РУДН Г.Ю. Филимонова. С его точки зрения «мягкая сила» представляет собой символическое понятие, которое отражает политическое мировоззрение США и его подходы к пониманию невоенных составляющих внешнеполитического могущества страны [20. С. 104-105]. При этом, по мнению Г.Ю. Филимонова, «мягкую силу» в России следует анализировать с точки зрения глобальных политических, экономических, социальных, культурных процессов, которые формируют «...новую, в корне отличную от предыдущих, систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений среди международных акторов начинают уступать место сетевым структурам» [20]. Исследователь предлагает и другие, дополнительные или актуализированные варианты определения «мягкой силы». Первое связано с определением «мягкой силы» как сложной многоуровневой системы, позволяющей государству в решении своих тактических и стратегических задач на международной арене в рамках официального (МИД, Россотрудничество и др.) и неофициального (экспорт кинематографической продукции, использование социальных сетей и др.) направлений. Во-вторых, «мягкая сила» является инновационной высокоинтеллектуальной системой управления сознанием, которая призвана усилить среди зарубежных аудиторий поддержку внешнеполитических инициатив страны [19]. Третье и четвертое определение коррелирует с точкой зрения А. И. Сухарева, который полагает, что «мягкая сила» представляет собой, во-первых, одну из форм внешнеполитической стратегии страны, комплексный механизм оказания влияния посредством создания системы «привлекательных предпочтений» [18. С. 44], во-вторых, набор политтехнологических средств, методов. Она оказывает влияние, побуждает оппонентов действовать в определенных заданных политических параметрах.

Отбрасывая академические споры к форме, суть «мягкой силы» звучит как «привлекательность вместо принуждения». В современном мире, переходящем в новую эпоху, прямое столкновение двух крупных держав, как средства достижения целей и национальных интересов, уже не столь актуально и едва ли реализуемо. Поэтому, несмотря на свою новизну, концепция «мягкой силы» быстро начала приниматься различ-

ными странами для выполнения геополитических задач [36].

Сложность в построении теоретической модели «мягкой силы» состоит не только в отсутствии ее чёткого определения, но и заключается в проблемах четкого определения ее источников, критериев и показателей. Дж. Най выделяет следующие источники «мягкой силы»: во-первых, культура (по крайней мере, её привлекательная часть); во-вторых, политические ценности, и в-третьих, зарубежная политика (насколько легитимно и морально обоснованно выглядит) [29]. Кроме того, как и культура, так и ценности, и привлекательность относительны: приоритетны для одних, но не для других. В российской политической науке вопрос источников «мягкой силы» недостаточно изучен. И.А. Чихарев и О.В. Столетов [23], рассматривая проблему источников, опираются в большей степени на обозначенные Дж. Наем, а именно на культуру и ценности, национально-государственной экономической модели развития и политической модели [3]. Отличие в данном случае в том, что они отделяют экономический аспект, а внешнюю политику, наоборот, включают в «политическую модель».

В числе основных каналов реализации политики «мягкой силы» Г.Ю. Филимонов предлагает рассматривать публичную и культурную дипломатию; внешнюю культурную политику; информационную политику с использованием медиа-ресурсов и социальных сетей; международную политику в сфере образования; реализация высоких гуманитарных технологий на уровне неправительственных организаций, например, «цветные революции»; применение страной финансово-экономических инструментов (экономическая помощь, создание экономических преференций в обмен на «управляемость» и лояльность элиты государства-реципиента; привлечение иностранных инвестиций; экспорт продукции потребительской, массовой культуры (музыка, кино и др.) [19]. Исследователь П. Паршин рассматривает и другие факторы «мягкой силы», используемые в рейтинге компании «Ernest and Young» совместно с Московской школой управления «Сколково». Они подразделяются на 3 уровня: глобальный имидж (экспорт медиапродукции, количество завоеванных олимпийских медалей, интерес к изучению языка конкретной страны, «вхождение» граждан страны по версии журнала «Time» в ТОП-100 самых влиятельных людей, «уважаемые» компании); глобальная порядочность

(индекс свободы, законности, избирательная активность, выбросы в атмосферу CO₂); глобальная интеграция (выездной туризм, иммиграция, рейтинг вузов, распространение овладения английским языком) [13, 11]. Анализируя эти показатели, сам исследователь отмечает, что они во многом спорны. Таким образом, практически каждый исследователь обращает внимание на те или иные критерии оценки «мягкой силы», которые ему кажутся более важными, при условии, что эта выборка будет обоснована.

Одним из инструментов измерения «мягкой силы» являются рейтинги страновых брендов, среди которых наиболее универсальный: индекс страновых брендов (CBI), разработан консалтинговой компанией «Future Brand». CBI – это глобальное исследование силы национального бренда, охватывающее 118 стран мира. Это самое широкомасштабное исследование в своей отрасли, и ему доверяют многие национальные агентства территориального развития. В нем используется сложная структура опроса, учитывающая субъективные ощущения респондентов. По данным рейтинга CBI-2015 Россия занимает 31 место [32].

Компания *Portland Communications*, занимающаяся, помимо прочего, исследованием «мягкой силы», в 2017 году выпустила третий ежегодный рейтинг *Softpower30*, в котором указаны 30 наиболее привлекательных стран, по оценкам компании. Оценка производится по семи основным критериям, основным источникам «мягкой силы» – *digital* («цифровые технологии»), *culture* (культура), *enterprise* (предпринимательство), *engagement* (вовлеченность как сила дипломатической сети страны и её вклад в развитие глобальных связей), *education* (образование), *government* (государство как оценка его приверженности свободе, правам человека, демократии и качество политических институтов), *polling* (субъективные взгляды на привлекательность стран в рамках массовых опросов) – рисунок 1.

Франция впервые в 2017 году признана самой влиятельной страной в мире – если мерить влияние не номинальным военно-экономическим потенциалом, а потенциалом «мягкой силы». В 2016 году в этом докладе верхнюю ступеньку пьедестала отдали США, а в позапрошлом – Великобритании. В этом году США опустились на третью ступеньку, а англичане заняли второе место. Извечный соперник Франции, Германия, в этом году занимает четвертую позицию, за ней следуют Канада, Япония, Швейцария,

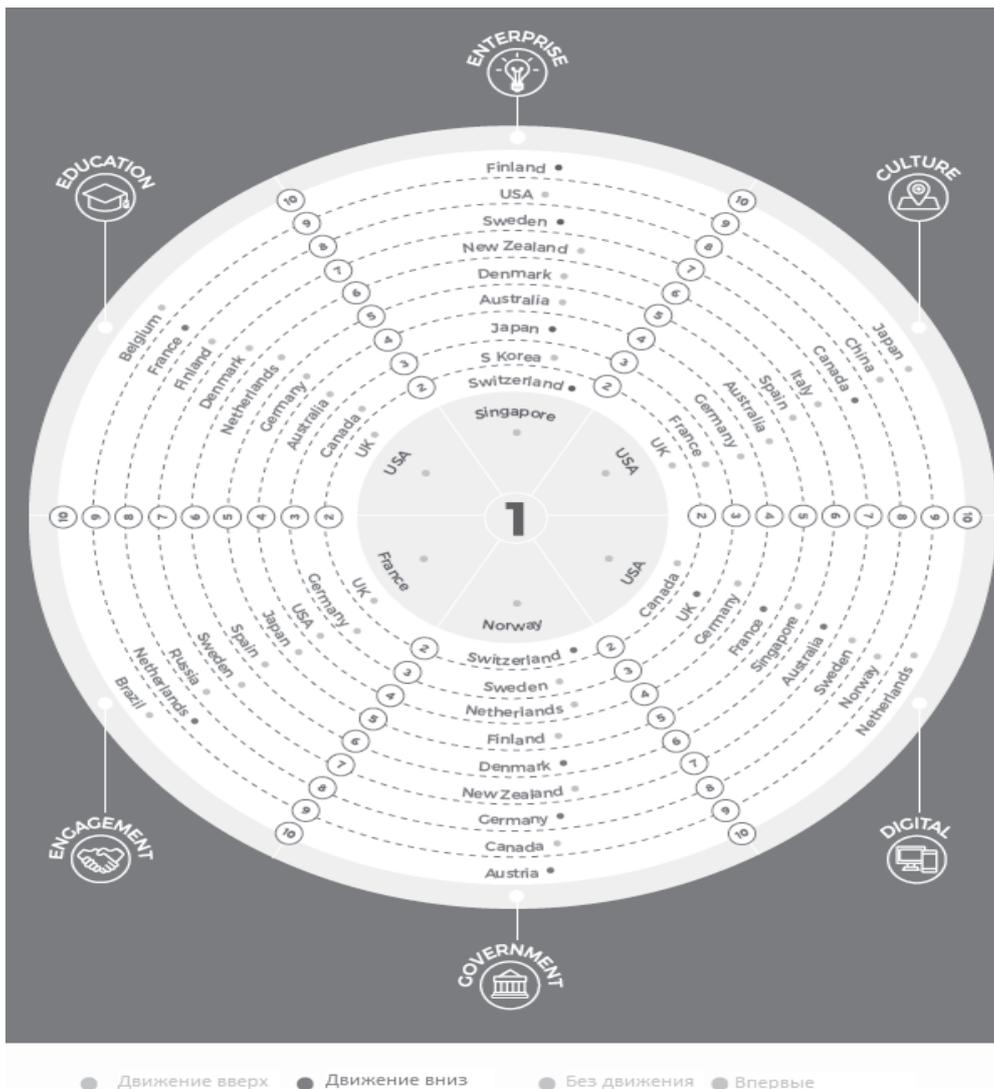

Рисунок 1 – Лидирующие страны по уровню привлекательности [30].

Австралия, скандинавские страны и Нидерланды. Новое лидерство Франции – в небольшой степени результат победы на президентских выборах молодого проевропейского политика Эммануэля Макрона и поражение кандидата Национального фронта Марин Ле Пен. Утрата лидерства Соединенными Штатами – тоже результат выборов, только результат со знаком минус: новый президент США Дональд Трамп вызывает в мире неоднозначную реакцию [35].

В России, как и во многих странах, которые пытаются привлечь «мягкую силу» на службу интересам государства, а не делают это уже естественным образом, это явление подвергается критике, по классическим для «мягкой силы» причинам. Безусловно, на данный момент нельзя говорить о реальной мощи «мягкой силы» России в мире. В рейтинге *Softpower30* Россия заняла 26 место, появившись в рейтинге впервые [28]. По-

следние места наша страна заняла по критерию «государство», а также по опросам. Двадцать седьмое по предпринимательству, двадцатое по образованию, четырнадцатое по культуре, одиннадцатое по цифровым технологиям и восьмое по вовлеченности. Однако это не говорит об отсутствии потенциала. Кроме того, в рейтинге *Elcano's Global Presence Report 2017 Soft presence* Россия заняла 7 место [33], но не попала ни на одно из 25 мест *Monocle's Soft Power Survey 2016/17* [34]. Такой разрыв связан, прежде всего, с разными моделями подсчёта. Как видно из названия, рейтинг *Elcano's* в первую очередь изучает присутствие в мире, а не эффективность. В таблице 1 показаны места РФ, США, Франции, Китая, занимаемых в различных рейтингах.

Несомненно, что одним из важных компонентов формирования «мягкой силы» выступает формирование позитивного имиджа

Таблица 1 – Позиции государств в рейтингах [28, 33, 34].

Страна	<i>Portland Softpower30</i> (30 мест в рейтинге)	<i>Monocle's Soft Power Survey</i> (25 мест)	<i>Elcano's Global Presence</i> (80 мест)
Россия	26	-	7
США	2	1	1
Франция	1	5	5
Китай	25	20	2

страны. Так, например, позитивный имидж Советского Союза формировался на основе прогрессивных научно-технических достижений, фундаментальных ценностей, вклада в установление мира (победа во ВОВ) и мировую культуру. После распада СССР, снятия железного, информационного занавеса, при спаде целенаправленной антисоветской пропаганды, проблемы мирового восприятия российского государства значительно обострились [17. С. 7]. По мнению ряда российских исследователей, Россия практически безвозвратно утратила доставшийся ей после распада свой достаточно большой потенциал «мягкой силы». Это резерв был и частично остается существенным, в том числе российское информационно-культурное влияние на страны постсоветского пространства, возможность распространения отечественной, но не всегда высококачественной продукции кино-, теле-индустрии, музыкальных произведений, научно-образовательная привлекательность вузов России [2. С. 189-190]. Однако, как отмечают российские исследователи А.А. Казанцева, В.Н. Меркушева, потенциал «мягкой силы» России так ослаблен, что вряд ли можно говорить о ее эффективном вкладе в реализацию внешней политики: «когда-то Россия распространяла свое влияние благодаря русскому языку. Но эти каналы воздействия отошли в прошлое» [8].

С точки зрения А. В. Будаева, аргументы, соображения российских исследователей выглядят достаточно убедительно и способствуют более полному раскрытию содержания, слабых и выигрышных сторон российской «мягкой силы» в ее различных интерпретациях. Говоря о сущности и направлениях проявлениях во внешней политике РФ сегодня «мягкой» дипломатии, представляется в основу взять формулировку, предложенную в Концепции внешней политики РФ от 12.12.2013, дополнив ее следующим: важными акторами и трансляторами российской «мягкой силы» выступают российская диаспора за рубежом (свыше 30 млн чел.; второе место после китайцев по численности среди иностранных диаспор), Русская православная церковь (РПЦ) (несущая

высокие духовные и нравственные идеалы и подкрепляющая цивилизационную миссию РФ), иностранные организации бывших выпускников российских (советских) вузов [2].

К основным концепциям и организации «мягкой силы» России относятся следующие. Во-первых, это концепция «Русского мира» Островского и Щедровицкого. Они изначально описывали его как «имидж» для новой России, как что-то объединяющее всех, кого можно называть русскими по всему миру. Здесь появляется резонный вопрос в терминологии – что значит мир и кого называть русским. Мир в данном контексте понимается в античном смысле, подобно греческому или византийскому, как огромные территории, на которые распространяется влияние страны, без опоры на территориальные границы государства [31, 6]. «Русский» оказывается ещё более широким термином. «Мы, русские, многонациональный народ. Русские – это не кровь, русские – это общая судьба» – писали они в своём манифесте [24]. Позже к изначальному элементу «общая судьба», не несущем, по сути, смысла, добавляется культурно-языковой элемент. Однако это не сужает область покрытия понятия, а, скорее наоборот, расширяет, так как происходит приращение слоя людей, которые ещё только изучают язык, или просто заинтересованы в культуре. Имидж Щедровицкий и Островский видели в укреплении связей между разрозненными «русскими» по всему миру, в этом была основная идея [15]. Таким образом, частями бренда «русский мир» сегодня считаются те, кто, говорит на русском, кто интересуется Россией, кто живет на её территории. Однако государство, приняв идею этого имиджа начало развивать её, добавлять новые критерии включения в категорию «русского», сделав «русский мир» частью своей концепции мягкой силы. Например, за счёт попытки слияния двух «русских миров». Второй, православный, имеет гораздо более чёткие критерии, границы и вообще имеет смысл сам по себе. Православный русский мир – это духовная связь всех православных в мире, с центром в Москве.

Таблица 2 – Сходства и отличия в направлении деятельности организаций, занимающихся «мягкой силой» в РФ

Направления деятельности	Фонд Русский мир	Россотрудничество
Занимается вопросом языка	Да	Да
Занимается вопросом культуры	Да	Да
Занимается образованием	Да	Да
Сотрудничает с РПЦ	Да	Да
Создана по государственной инициативе	Да	Да
Имеет собственные активы за рубежом	Да	Да
Является правительственной организацией	Нет	Да

Во-вторых, фонд «Русский мир». Несмотря на то, что нигде официально не указана связь данного фонда с концепцией Островского и Щедровицкого, трактовка основных понятий совпадает в обоих случаях. «Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки. Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее [7]. Все пласты Русского мира – полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологически неоднородного, мультикультурного, географически сегментированного – объединяются через осознание причастности к России. Формируя «Русский мир» как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития. Все перечисленные признаки характерны как для россиян, проживающих в стране, так и для остального Русского мира» – отмечается на его сайте [21]. Фонд является основной некоммерческой организацией, специализирующейся на производстве и концентрации «мягкой силы» Российской Федерации. Будучи по сути единственной в своём роде, она покрывает множество отраслей, включая такие критически важные, как язык, культура и, частично, образование. Достижение поставленных целей и задач Фонда осуществляется посредством следующих проектов. Во-первых, Русские центры и Кабинеты русского языка. Во-вторых, проведение мероприятий (например, ежегодная Ассамблея Русского мира).

В-третьих, Россотрудничество – нижестоящее ведомство МИД РФ. Его деятельность и деятельность его заграничных учреждений направлена на «реализацию государственной политики международного гумани-

тарного сотрудничества, содействие распространению за рубежом объективного представления о современной России» – отмечается на сайте организации [16]. Россотрудничество имеет 95 представительств в 75 странах мира. В основном деятельность Россотрудничества строится в рамках Подпрограммы 3 «Деятельность в области международного гуманитарного сотрудничества и международной помощи развитию» в рамках Государственной программы по внешнеполитической деятельности. В 2013 году бюджет Россотрудничества оценивался в 2 млрд рублей, и были планы по его увеличению до 9,5 млрд руб в 2020 году. При анализе деятельности фонда Русский мир и Россотрудничества можно выделить много общего (таблица 2).

Проблема реализации «мягкой силы» в России является многомерной. Во-первых, сам подход к исследуемой концепции в государстве. Фактическое отсутствие теоретических исследований и адаптации концепции под российские реалии и слепое перенимание чужого опыта приводит к гораздо менее эффективному развитию «мягкой силы», и, соответственно, менее заметным результатам. Уравнителем в этой ситуации служат финансовые вливания, которые призваны сгладить общую невысокую жизнеспособность подхода [12]. Во-вторых, отсутствие хоть сколько-то устоявшегося имиджа России на международной арене на базовом уровне. Это можно выделить в отдельную проблему – отсутствие т.н. «российской идентичности», которая бы и служила одним из источников «мягкой силы», а также являлась своего рода образцом того, чем гордятся граждане страны и что считают важным. Общий тренд на построение идентичности на противопоставлении «чужим», а не на сходствах «своих», сохранился с зарождения государства до наших дней. Формирование внутри страны образа «загнивающего запада», с разложением норм морали и нрав-

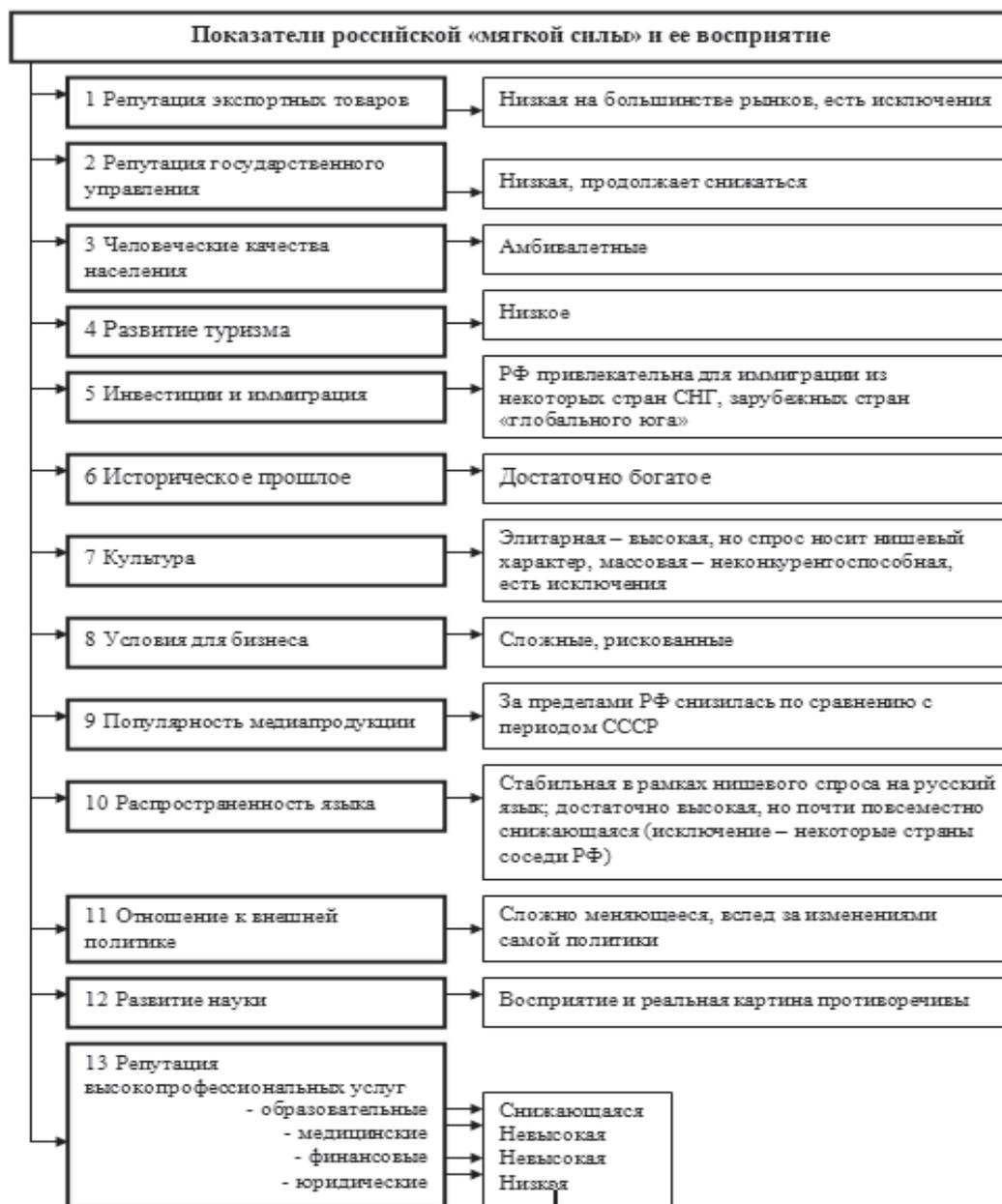

Рисунок 2 – Компоненты «мягкой силы» России и их восприятие [составлено по: 13].

ственности, обусловленные легализациями однополых браков и марихуаны противопоставляется образу «святой России» – консервативной, религиозной и высокодуховной. Причём это происходит как в СМИ, так и в академической среде – подобные темы являются ключевыми в концепции «евразийства» А. Г. Дугина [4]. Однако даже такой подход способен сформировать только виртуальную идентичность, которая в свою очередь не способна стать источником привлекательности. В-третьих, подход к её реализации. Централизованный этатистический подход в данном вопросе, как и большинстве других, скорее вредит, чем помогает. Складывается двоякая ситуация, в которой

государство заявляет о необходимости развития «мягкой силы» и подписывает указы о создании соответствующих организаций, однако остается непонятным, на что должны опираться в первую очередь при формировании имиджа. Язык и культура (в смысле всемирно признанных продуктов культуры, таких как шедевры литературы, изобразительного искусства, классической музыки) несомненно являются источниками «мягкой силы» и не создают каких-либо конфликтов. Однако прочие – будь то традиции, религия или ценности, пропагандируемые государственными организациями, применимы только к этническим русским. Подытоживая, государство зачастую занимается не

подчеркиванием и продвижением того, что может создавать привлекательность в стране, а проецирует образ виртуальной России, который слабо связан с Россией реальной.

Современные исследователи отмечают, что сегодня в России наблюдается значительный дефицит «мягкой силы», что подтверждают данные рейтинга *NBI*, дополненные П. Паршиным позициями 8–13 (рисунок 2).

Сегодня приходится констатировать факт отсутствия притягательности России, и даже снижение, часто продолжающееся, по некоторым компонентам российской «мягкой силы». Наиболее выигрышными показателями имиджевого позиционирования России в зарубежных аудиториях выступают достижения в области спорта, науки, техники, культурный потенциал страны [17. С. 8].

В настоящее время в мире РФ в основном воспринимают, как военную и энергетическую державу, а значение «мягкой силы» страны отходит на второй план. Поэтому есть основания в потребности создания нового имиджа на мировой арене, соответствующего национальным интересам РФ и современным реалиям [22. С. 23]. По мнению В. В. Путина важной задачей является «формирование непредвзятого и благоприятного представления о внутренней и внешней политике Российской Федерации, о ее истории, культуре и сегодняшнем развитии» [14].

Таким образом, несмотря на имеющийся потенциал, в сегодняшних условиях реализация российской «мягкой силы» имеет множество проблем. Организации страдают от разного рода финансовых проблем – «Русскому миру» не хватает финансирования, в то время как Росотрудничество неэффективно растрчивает огромные средства, выделяемые ему государством, не контролирующим в нужной мере ситуацию. При отсутствии синергии между существующими активами двух организаций, имеющих одинаковые цели, получается гораздо менее эффективная деятельность, чем могла бы. Кроме того, существуют сферы, которые имеют потенциал не только для превращения в источники «мягкой силы», но и становления экономически выгодными. Это туризм, который не развивается, даже несмотря на существующие планы и договора, как в ситуации с Байкалом. Это кинематограф, политика в сфере которого направлена на увеличение относительной массы отечественных фильмов в отечественном же прокате, вместо повышения качества картин и выхода на мировой рынок. Существующая крайне неэффективная система государственной поддержки кинематографа только усугубляет положение и не создает стимулов для повышения качества продукции. Изменение статуса-кво приведет к очевидным выгодам, даже в условиях такого неочевидного явления, как «мягкая сила».

Литература:

1. Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике российской федерации в контексте глобализации: дисс канд. полит наук: 23.00.04. СПб, 2016.
2. Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. 2015. № 48.
3. Будаев А.В., Демидов А.В., Манойло А.В. и др. «Мягкая сила» в мировой политической динамике. М., 2015.
4. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М., 2009.
5. Западные эксперты пророчат России неизбежный распад // <https://www.pravda.ru>.
6. Камолов С.Г., Подольский В.Э. Количественная оценка конфликтности в иерархической организации // Право и управление. XXI век. 2013. № 1(26).
7. Камолов С.Г. Антиконтфликтология. Вопросы преподавания управленческой конфликтологии в вузах. Монография. М., 2016.
8. Казанцев А.А. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полит. 2008. № 2 // <http://www.politstudies.ru>.
9. Концепция внешней политики Российской Федерации / Утв. указом Президента РФ 12.02.2013 // <http://www.mid.ru>.
10. Лукин А.В. Публичная дипломатия // Международная жизнь. 2013. № 3.
11. Павлюк А.В., Кабакова С.С. Административно-правовое регулирование внешних трудовых миграционных потоков в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2017 № 5.
12. Павлюк А.В. Административно-правовое регулирование деятельности акционерных обществ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2013.

13. Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады ИМИ МГИМО(У) МИД России. 2013. Вып. 1(63) // <http://ehd.mgimo.ru>.
14. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании совещания послов 12.07.2004 // <http://www.mid.ru>.
15. Россия: страна, которой не было // <http://gtmarket.ru>.
16. Россотрудничество: деятельность // <http://rs.gov.ru>.
17. Сафанчук И., Синегубов А. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Дипломатическая служба. 2014. № 1.
18. Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира: автореф. дисс.... докт. полит. наук. М., 2011.
19. Филимонов Г. Актуальные вопросы формирования стратегии «Мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации (июнь 2013) // <http://georgefilimonov.com>.
20. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. 2014. № 1.
21. Фонд «Русский мир»: о Фонде // <http://www.russkiymir.ru>.
22. Церпицкая О.Л., Маркушина Н.Ю., Ковалевская Н.В. Перспективы формирования «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Научно информационный журнал «Армия и общество». 2015. № 2.
23. Чихарев И.А., Столетов О.В. «Мягкая сила» и «разумная сила» в современной мировой политической динамике: монография. М., 2015.
24. 1111 знаков за 1111 дней до Нового Тысячелетия // <http://gtmarket.ru>.
25. Janice Bially Mattern. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millenium – Journal of International Studies*. 2005. V. 33. N. 583.
26. Michael Barnett and Raymond Duvall. Power in International Politics // *International Organization (US, IO Foundation: 2005)*.
27. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.
28. Portland soft power 30 // <http://softpower30.portland-communications.com>
29. Soft power: think again // <http://foreignpolicy.com>.
30. Lewis, M. Paul, Gary F. Simons, and Charles D. Fennig (eds.). *Ethnologue: Languages of the World, Eighteenth edition*. Dallas, Texas, 2015: SIL International // <http://www.ethnologue.com>
31. Marlene Laruelle. The "Russian World" Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. *The Center on Global Interests*, 2015.
32. Country Brand Index 2014-15 // <http://www.futurebrand.com>.
33. Elcano's Global Presence Report 2017 // <http://www.realinstitutoelcano.org>.
34. Soft Power Survey 2016/17 // <https://monocle.com>.
35. Yengibaryan R. The institution of presidency in the USA // *Giornale di Storia Costituzionale*. Volume 33. Issue 1. 2017.
36. Yengibaryan R. Ethnicity and citizenship as key factors shaping human personality and behavior // *Giornale di Storia Costituzionale*. Volume 27. 2014.
37. Торкунов А.В. Внешнеполитические интересы России: устойчивость и актуализация // Концепция и практика внешней политики Российской Федерации: учебное пособие. Якутск, 2003 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
38. Торкунов А.В. Найти выход из «тупика неэффективности» // Выступление на V Конвенте Российской ассоциации международных исследований 26 сентября 2008 года // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
39. Торкунов А.В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Концепции и определения демократии: антология. М., 2006 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
40. Касаткин П.И. Ценностный компонент в образовании: нужен ли он сегодня? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 2 (24).
41. Касаткин П.И., Иноземцев М.И. Актуальные вопросы организации образовательной деятельности по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре // Высшее образование в России. 2016. № 4.
42. Касаткин П.И. Современное образование: функции и предназначение // Проблемы современного образования. 2017. № 5.
43. Касаткин П.И. Глобализация культуры: проблемы и перспективы // Власть. 2017. Т. 25. № 8.
44. Государственное антикризисное управление / Под ред. Охотского Е.В. М., 2016.
45. Касаткин П.И., Силантьева М.В. Антропологический аспект глобальных моделей образования: поиски и решения // Полис. Политические исследования. 2017. № 6.
46. Сардарян Г.Т. Конституционная реформа 2001 года в Италии в контексте перехода от сложного унитарного государства к федеративному // Право и управление. XXI век. 2013. № 2.

47. Сардарян Г.Т. О политической этике и мировом демократическом развитии // Политика и Общество. 2014. № 10.
48. Сардарян Г.Т. Влияние органов ЕС на процесс регионализации в Итальянской республике // Право и управление. XXI век. 2014. № 2.
49. Сардарян Г.Т. Понятие, сущность и основные этапы развития католической социальной доктрины // Политика и общество. 2016. № 5.
50. Сардарян Г.Т. Модернизм и католическая политическая доктрина // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 1(52).
51. Сардарян Г.Т. Либеральный разворот католического социального учения в период понтификата Льва XIII // Право и политика. 2016. № 2.

«SOFT POWER» IN THE WORLD COMMUNITY AND RUSSIA'S FOREIGN POLICY

Introduction. *The problem of “soft power” in international relations and its role in Russia’s foreign policy seems a topical research direction, considering its insufficient scientific analysis due to the prevailing general attitude to the issue of “soft power” in Russian political discourse, where the researched phenomenon is not considered a full-fledged direction of foreign policy and was created on the wave of the “soft power” popularity in the world community. The need to research the use of “soft power” is caused by the ongoing changes in the international relations and global politics that emerged as a result of globalization processes, information and technology sectors development. In the context of the emergence of new actors and rapidly changing rules of playing on the international stage, it is important for countries to adapt quickly to these rules and make full use of new tools. However, due to certain reasons, Russia paid attention to the resources of using “soft power” with a delay, but in order to achieve the world leaders’ level in this area, renewed approach is needed, taking into account the domestic specifics and leading global practices. The research is aimed at studying the features of the “soft power” concept.*

Materials and methods. *Realization of the research tasks was achieved on the basis of studying theoretical foreign and domestic concepts of “soft power”, analyzing the ratings of the countries’ brands. The methodological basis includes the method of system-structural analysis, the statistical method.*

Results. *The article considers the main approaches to understanding “soft power” presented in papers of foreign and domestic researchers; analysis of the main components and sources of the “soft power” policy; countries’ brand rating as a measurement tool of “soft power”; concepts of using “soft power” of Russia.*

Discussions and conclusion. *Based on statistical data and data secondary analysis, the article comes to the conclusion that Russia lacks “soft power”; that grounds exist to create a new image of Russia on the world stage, corresponding to Russian national interests and contemporary realities. In today’s conditions, implementation of Russian “soft power” has many problems related to law, financial and economic aspects.*

Victor M. Volodin,
Doctor of Economics, Professor, Dean,
Faculty of Economics and Management, State
University of the city of Penza
Lilia V. Rozhkova,
Doctor of Sociology, Professor, Department
of Economic Theory and International Relations,
State University of the city of Penza
Olga V. Salnikova,
Senior Lecturer, Department of Economic
Theory and International Relations, State University
of the city of Penza

Ключевые слова:

мягкая сила, внешняя политика, Россия, Русский мир, Россотрудничество.

Keywords:

soft power, foreign policy, Russia, Russian world, Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation.

References:

1. Ageeva V.D., 2016. Rol' instrumentov «myagkoj sily» vo vneshnej politike rossijskoj federacii v kontekste globalizacii: diss kand. polit nauk: 23.00.04 [The Role of "Soft Power" Tools for Russian Foreign Policy in-context of Globalization]. Saint-Petersburg.
2. Budaev A.V., 2015. «Myagkaya sila» vo vneshnej politike Rossii: istoki, osobennosti, perspektivy ["Soft Power" in Russian Foreign Policy: sources, features, prospect]. *Gosudarstvennoe upravlenie [State Administration]*. № 48.
3. Budaev A.V., Demidov A.V., Manojlo A.V. i dr., 2015. «Myagkaya sila» v mirovoj politicheskoj dinamike ["Soft Power" in World Political Dynamics]. Moscow.
4. Dugin A.G., 2009. Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli [Post-Philosophy. Three Paradigms in History of Thought]. Moscow.
5. Zapadnye ehksperty prorochat Rossii neizbezhnyj raspad [West Experts Predict Inevitable Disintegration for Russia]. URL: <https://www.pravda.ru>.
6. Kamolov S.G., Podol'skij V.E., 2013. Kolichestvennaya ocenka konfliktogennosti v ierarhicheskoj organizacii [A Quantitative Assessment of Conflictogenic Power in a Hierarchical Organization]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 1 (26).
7. Kamolov S.G., 2016. Antikonfliktologiya. Voprosy prepodavaniya upravlencheskoj konfliktologii v vuzah. Monografiya [Anticonflictology: Issues of Teaching Conflictology in Management for graduates]. Moscow.
8. Kazancev A.A., 2008. Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya «myagkoj sily» [Russia and Post-Soviet Area: Prospect of "Soft Power" Usage]. *Polis [Political Studies]*. № 2. URL: <http://www.politstudies.ru>.
9. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Foreign Policy Concept of the Russian Federation]. URL: <http://www.mid.ru>.
10. Lukin A.V., 2013. Publichnaya diplomatiya [Public Diplomacy]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Affairs]*. № 3.
11. Pavlyuk A.V., Kabakova S.S., 2017. Administrativno-pravovoe regulirovanie vneshnih trudovyh migracionnyh potokov v Rossijskoj Federacii [Administrative-legal Regulation of Foreign Labor Force]. *Social'no-politicheskie nauki [Social and Political Science]*. № 5.
12. Pavlyuk A.V., 2013. Administrativno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti akcionerovyh obshchestv: dis. ... kand. yurid. nauk [Administrative-legal regulation of activity of joint-stock companies]. 12.00.14. Moscow.
13. Parshin P., 2013. Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [Subject Matter of "Soft Power" in Foreign Policy of Russia]. *Analiticheskie doklady IMI MGIMO(U) MID Rossii [Analytical Reports of International Studies Institute of MGIMO (University) of the MFA of Russia]*. Vyp. 1(63). URL: <http://ehd.mgimo.ru>.
14. Putin V.V. Vystuplenie na plenarnom zasedanii soveshchaniya poslov 12.07.2004 [Address to Ambassadors at Plenary Meeting]. URL: <http://www.mid.ru>.
15. Rossiya: strana, kotoroj ne bylo [Russia: Non-existent Country]. URL: <http://gtmarket.ru>.
16. Rossotrudnichestvo: deyatel'nost' [Federal Agency for the Commonwealth of Independent States Affairs, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation: Activity]. URL: <http://rs.gov.ru>.
17. Safanchuk I., Sinogubov A., 2014. Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [Subject Matter of "Soft Power" in Foreign Policy of Russia]. *Diplomatičeskaya sluzhba [Foreign Service]*. № 1.
18. Suharev A.I., 2011. Politicheskoe stanovlenie sub"ektov setevyh gumanitarnyh vzaimodejstvij v mezhdunarodnyh otnošeniyah global'nogo mira: avtoref. diss.... dokt. polit. nauk [Political Formation of Subjects of the Network and Humanitarian Interactions in International Relations of Global World]. Moscow.
19. Filimonov G. Aktual'nye voprosy formirovaniya strategii «Myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossijskoj Federacii (iyun' 2013) [The Topical Issues of Forming "Soft Power" Strategy in Foreign Policy of Russia (June, 2013)]. URL: <http://georgefilimonov.com>.
20. Filimonov G.Yu., 2014. Aktual'nye voprosy formirovaniya strategii «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossijskoj Federacii [The Topical Issues of Forming "Soft Power" Strategy in Foreign Policy of Russia]. *Mezhdunarodnye otnošeniya [International Relations]*. № 1.
21. Fond «Russkij mir»: o Fonde [Fund "Russian World": Information about Fund]. URL: <http://www.ruskiymir.ru>.
22. Cerpickaya O.L., Markushina N.Yu., Kovalevskaya N.V., 2015. Perspektivy formirovaniya «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossijskoj Federacii [The Prospect of Forming "Soft Power" in Foreign Policy of Russia]. *Nauchno informacionnyj zhurnal «Armiya i obshchestvo» [Scientific Information Journal "Army and Society"]*. № 2.
23. Chiharev I.A., Stoletov O.V., 2015. «Myagkaya sila» i «razumnaya sila» v sovremennoj mirovoj politicheskoj dinamike: monografiya ["Soft Power" and "Smart Power" in Political Dynamics of Modern World]. Moscow.
24. 1111 znakov za 1111 dnei do Novogo Tysyacheletiya [1111 Signs before 1111 Days to New Millenium]. URL: <http://gtmarket.ru>.
25. Janice Bially Mattern, 2005. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics". *Millenium – Journal of International Studies*. V. 33. N. 583.

26. Michael Barnett and Raymond Duvall, 2005. "Power in International Politics" in International Organization (US, IO Foundation).
27. Nye J., 1991. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books.
28. Portland soft power 30. URL: <http://softpower30.portland-communications.com>.
29. Soft power: think again. URL: <http://foreignpolicy.com>.
30. Lewis, M. Paul, Gary F. Simons, and Charles D. Fennig (eds.). Ethnologue: Languages of the World, Eighteenth edition. Dallas, Texas, 2015: SIL International. URL: <http://www.ethnologue.com>.
31. Marlene Laruelle, 2015. The "Russian World" Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. The Center on Global Interests.
32. Country Brand Index 2014-15. URL: <http://www.futurebrand.com>.
33. Elcano's Global Presence Report 2017. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org>.
34. Soft Power Survey 2016/17. URL: <https://monocle.com>.
35. Yengibaryan R., 2017. The institution of presidency in the USA. *Giornale di Storia Costituzionale [The Journal of Constitutional History]*. Volume 33. Issue 1.
36. Yengibaryan R., 2014. Ethnicity and citizenship as key factors shaping human personality and behavior. *Giornale di Storia Costituzionale [The Journal of Constitutional History]*. Volume 27.
37. Torkunov A.V. Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: ustoichivost' i aktualizatsiia [Foreign-Policy Interests of Russia: Stability and Actualization]. Kontseptsii i praktika vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii: uchebnoe posobie [The Concept and Practice of the Russian Federation's Foreign Policy: textbook]. Yakutsk, 2003. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
38. Torkunov A.V. Naiti vykhod iz «tupika neeffektivnosti» [Finding a way out of the blind alley of ineffectiveness"]. Vystuplenie na V Konvente Rossiiskoi assotsiatsii mezhdunarodnykh issledovaniy 26 sentiabria 2008 goda [Speech at the 5-th Convention of the Russian International Studies Association, 26 September, 2008]. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
39. Torkunov A.V. Rossiiskaia model' demokratii i sovremennoe global'noe upravlenie [A Russian Model of Democracy and Modern Global Governance]. Kontseptsii i opredeleniia demokratii: antologiya [Concepts and Definitions of Democracy: Anthology]. Moscow, 2006. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
40. Kasatkin P.I., 2017. Cennostnyj komponent v obrazovanii: nuzhen li on segodnja? [Value component in education: do we need it nowadays]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Filosofiya [Voronezh State University Bulletin. Series: Philosophy]*. № 2 (24).
41. Kasatkin P.I., Inozemtsev M.I., 2016. Aktual'nye voprosy organizatsii obrazovatel'noj dejatel'nosti po programmam podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov v aspiranture [Current Issues of Arranging Post-Graduate Education for Academic Staff Training]. *Vishshee obrazovanie v Rossii [High Education in Russia]*. № 4.
42. Kasatkin P.I., 2017. Sovremennoe obrazovanie: funktsii i prednaznachenie [Modern Education: Functions and Mission]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of Modern Education]*. № 5.
43. Kasatkin P.I., 2017. Globalizatsiya kul'tury: problemy i perspektivy [Globalization of Culture: Challenges and Prospects]. *Vlast' [Power]*. Vol. 25. № 8.
44. Gosudarstvennoe antikrizisnoe upravlenie [State anti-crisis management]. Moscow.
45. Kasatkin P.I., Silant'eva M.V., 2017. Antropologicheskii aspekt global'nykh modelei obrazovaniia: poiski i resheniia [The anthropological aspect of global education models: problems and solutions]. *Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political studies]*. № 6.
46. Sardarian G.T., 2013. Konstitutsionnaia reforma 2001 goda v Italii v kontekste perekhoda ot slozhnogo unitarnogo gosudarstva k federativnomu [Constitutional Reform in Italy of 2001 and Transition from Unitary State to Federation]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 2.
47. Sardarian G.T., 2014. O politicheskoi etike i mirovom demokraticheskom razvitiy [Political ethics and world political development]. *Politika i obshchestvo [Politics and Society]*. № 10.
48. Sardarian G.T., 2014. Vliyanie organov ES na process regionalizatsii v Italiyanskoj respublike [Influence of EU Bodies on the Process of Regionalization in Italian Republic]. *Pravo i upravlenie. XXI vek. [Journal of Law and Administration]*. № 2.
49. Sardarian G.T., 2016. Ponyatie, sushnost i osnovnie etapy razvitiya katolicheskoy socialnoy doktriny [Definition, Essence and Main Stages of Development of Catholic Social Doctrine]. *Politika i obshchestvo [Politics and Society]*. № 5.
50. Sardarian G.T., 2017. Modernizm i katolicheskaja politicheskaja doktrina [Modernism and Catholic Political Doctrine]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Herald of MGIMO-University]*. № 1(52).
51. Sardarian G.T., 2016. Liberal'nyi razvorot katolicheskogo sotsial'nogo ucheniia v period pontifikata L'va XIII [The Liberal Turn of Catholic Social Doctrine During Pontificate of Leo PP. XIII]. *Pravo i politika [Law and Politics]*. № 2.